

СЛОВО

надъ гробомъ священника Кавказскаго ка-
едральнаго собора Николая Осѣцкаго.

*Съется въ тлѣннхъ,
востаетъ въ нетлѣ-
ннхъ (1 Кор. XV, 42).*

Св. Апостоль Павелъ въ этихъ учительныхъ словахъ своихъ къ коринѣскимъ христіанамъ проводитъ сравненіе между погребеніемъ тѣлъ человѣческихъ въ могилахъ и сѣяніемъ зерна въ землѣ, чтобы такимъ образомъ нагляднѣе объяснить имъ и приблизить къ ихъ разумнѣю тайну нашего будущаго воскресенія. *Съется, говорить, тѣло* человѣческое *въ тлѣннхъ, востаетъ въ нетлѣннхъ.*

Возлюбленный собратъ нашъ, почіующій во гробѣ! Не поразится ли духовный слухъ твой, когда у гроба и могилы твоей, надъ тѣломъ, съ которымъ сопряжена была душа твоя, услышится слово, что, по повелѣнію Господа Промыслителя, оно зарывается теперь въ землю не какъ только болѣе уже непригодное на землѣ, но и какъ цѣнная драгоценность, какъ зерно для посѣва? Но.. тебѣ ли, учителю христіанской вѣры и надежды, не знать глубокаго значенія сего слова? Тебѣ ли, служителю церкви, не въ радость то слово церкви Апостольской, что тѣло твое, столько летъ

раздѣлявшее съ душою труды твои на поприщѣ служенія твоего св. церкви, *не поиме въ конецъ, не умре*, но только спитъ, какъ спитъ въ своемъ родѣ и зерно, посеянное въ землѣ, до поры, до времени? Тебѣ ли, наконецъ, отцу семейства, не понять и того, что въ этомъ словѣ служитель Слова думаетъ у гроба твоего найти утѣшеніе и назиданіе и для осиротѣвшей семьи твоей, введя ее, въ минуты сѣтованія и печали, въ область христіанской вѣры и надежды? Итакъ, подъ руководствомъ словъ Апостольскихъ, да будетъ у гроба твоего наше слово о воскресеніи мертвыхъ!

Съется тѣло человѣческое въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи. Какое это дивное сравненіе у Апостола! По глубинѣ мысли и наглядности образа, лучшаго и не найти. Всѣ мы не только знаемъ, но и видимъ во очію, что изъ Божіихъ созданій въ мірѣ видимомъ ничто не осуждено на исчезновеніе или на переходъ отъ бытія къ небытію. Въ видимомъ нами мірѣ все только измѣняется, переходитъ лишь въ иной видъ бытія посредствомъ тлѣнія и разложенія на свои элементы, но ничто не исчезаетъ, не уничтожается. Напр. зерно, посеянное на полѣ земледѣльцемъ, или посаженное на грядкахъ огородникомъ, процессомъ тлѣнія или гніенія хотя и переходитъ къ разложенію и теряетъ свой видъ, но не исчезаетъ. Оно даже не теряетъ и своихъ существенныхъ свойствъ. Иначе, какъ же бы, при видѣннѣмъ истлѣніи зерна, которое Апостолъ называетъ смертію его (ст. 36), возникать изъ него отпрыскъ и прозябать злакъ? Какъ же бы развивалась изъ него и держалась на немъ, какъ на корнѣ, не только новая жизнь, но и жизнь именно по роду его? Такъ точно и погребенное по смерти своей тѣло человѣческое хотя и истлѣваетъ въ могилѣ, но оно, и въ самомъ истлѣніи своемъ, въ образовавшемся изъ него прахѣ хранить не подлежащую уничтоженію сущность свою. Иначе, какъ бы могло воскреснуть оно и то именно самое, которое сопряжено было съ извѣстною душою человѣческою, которое съ нею дѣйствовало на землѣ, раздѣляло ея скорби и радости и было или храмомъ Духа Святаго, или жилищемъ нечистоты? Чаемое нами воскресеніе, это, вѣдь, не новое твореніе нашего тѣла изъ ничего: оно пробудить, оно возвратитъ къ

жизни жизнь лишь бывшую, но на время только угасавшую. Пролежить, правда, безъ движенія и безъ всякихъ видимыхъ признаковъ жизни эта неисчезающая сущность человѣческаго тѣла въ нѣдрахъ земли, пролежить до самаго дня воскресенія, какъ лежитъ и сѣмя до дня обновленія природы. Но какъ, послѣ дождя и весенней теплоты, зерно стившее или, по выраженію Апостола, умершее даетъ отъ себя отпрыскъ, злакъ и колосъ, такъ и послѣ повелѣнія Господня востанутъ тѣла человѣческія изъ гробовъ своихъ, востанутъ въ той именно сущности, съ какою жили они на землѣ, трудились и дѣлали добро или зло. За тѣмъ, каждое изъ нихъ, соединившись съ душою своею, будетъ продолжать по прежнему свое неразрывное бытіе, хотя уже и при иныхъ условіяхъ, съ иными качествами и въ иномъ видѣ, соответственно тому положенію, какое дадутъ обитателямъ своимъ новое небо и новая земля и тѣ дѣла, какія совершали они съ тѣломъ своимъ на землѣ. *Снется, говоритъ Апостолъ, тѣло человѣческое въ тлѣнии, востаетъ въ нетлѣнии; снется въ немощи, востаетъ въ силѣ; снется не въ чести, востаетъ въ слави. Снется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, — 42—45). И опять: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звездъ; и звезда отъ звезды различитъ въ слави. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ* (ст. 41, 42). Процессъ разложенія человѣческаго тѣла представляетъ такимъ образомъ не исчезновеніе или уничтоженіе бытія, а только тотъ образъ или законъ возрожденія и перехода бытія изъ одного вида въ другой, какому, послѣ грѣхонаденія прародителей, подпало и тѣло человѣческое, какъ соверщенное грѣхомъ и осужденное на смерть.

При такомъ взглядѣ на тѣлесную смерть нашу, сколько же свѣта проливаетъ въ нашу душу Апостольское сравненіе, какое проводитъ онъ между погребеніемъ нашего тѣла въ могилѣ съ сѣяніемъ зерна въ землѣ! Какъ много долженъ проясниться теперь духовный взглядъ нашъ на мракъ могильный и освѣтить предъ нами сѣнь смертную! Какъ много силъ должна почерпать тутъ и наша вѣра для своего оживленія и наша надежда для укрѣпленія и утѣшенія!

Въ самомъ дѣлѣ, когда лопатою или заступомъ священнослужитель Божій бросаетъ горсть земли на опущенный въ могилу съ дорогими останками гробъ умершаго и при этомъ произноситъ слова: *земля еси и въ землю пойдеши*. — неужели въ этотъ моментъ, возлюбленный братъ и сестра, ничего не представляется вамъ въ священнослужителѣ семъ и его символическихъ дѣйствіяхъ, кромѣ суровато напоминателя и исполнителя того приговора Божія, въ силу котораго человѣкъ карается смертію за грѣхъ, и печальнаго напоминанія о несчастномъ родоначальникѣ нашемъ, который грѣхомъ преслушанія внесши смерть въ потомство свое, видѣлъ и первую могилу на землѣ, и перваго мертвеца и въ горькихъ слезахъ совершилъ первое погребеніе? Неужели пораженное горемъ разлуки сердце наше, при видѣ гроба и лежащей въ немъ, столь близкой ему и столь дорогой для него, по образу Божію созданной, красоты, не способно и не можетъ ничего сказать, кромѣ этого убійственнаго: погинуло все, потеряно навсегда? Нѣтъ, нѣтъ! Подъ впечатлѣніемъ Апостольскаго ученія, горизонтъ зримаго расширяется и подлѣ мрака могильнаго ярко видится черта, за которою, къ утѣшенію плачущихъ и съгнующихъ, горитъ уже лучъ надежды и Христова утѣшенія. Подъ влияніемъ вѣры и упованія, въ служителѣ Божіемъ, вооруженномъ заступомъ или лопатою у могилы дорогихъ нашему сердцу, зрится уже духовнымъ окомъ нашимъ не одинъ только исполнитель Божественнаго приговора о пораженіи насъ смертію за грѣхъ, но и сѣтель жизни и нетлѣнія, провозвѣстникъ воскресенія, проповѣдникъ будущей вѣчной жизни, для какой воскреснетъ тѣло наше, подобно тому, какъ для жизни новой воскресаетъ зерно земледѣльца или огородника. Зрится, наконецъ, тутъ и глашатай торжества крестной смерти Христовой надъ нашею смертію и побѣды Его надъ грѣхомъ нашимъ. Не въ знаменіе ли этого самаго, въ слѣдъ же за работою лопаты и заступа, надъ христіанскою могилою и водружается крестъ, этотъ святѣйшій символъ побѣды надъ грѣхомъ и смертію и неисощимый источникъ нашихъ утѣшеній? Именно такъ. По слову Апостола, Христосъ *на крестѣ умеръ за преступленія нашихъ и затѣмъ во-*

сталъ для оправданія нашего. Христосъ на крестѣ упразднилъ и державу смерти и сталъ начаткомъ для умершихъ. Подъ знаменемъ креста же Христова воинствуетъ, владычествуетъ и благодатно преизбыточествуетъ и созданная Имъ церковь; при немъ она сила и богатство и такъ широка и высока, что простирается отъ земли до самаго неба, даже до престола Божія; безъ него она—убожество и ничтожество. Подъ симъ только святѣйшимъ знаменемъ она дерзаетъ переносить свои матернія заботы объ участи умершихъ отцевъ, братій и чадь нашихъ и въ міръ загробный, совершать о нихъ особья молитвы, приносить безкровную умоливательную жертву и внушать оставшимся въ живыхъ разныя благотворенія во имя ихъ. Наконецъ, не потому ли и Апостолъ даетъ наставленіе всѣмъ христіанамъ не предаваться излишнимъ слезамъ и рыданію при погребеніи умершихъ, такъ какъ лишнія слезы и рыданія не свойственны уже христіанамъ, знающимъ Христа и спасительную силу креста Его и чающимъ воскресенія мертвыхъ?

Проводимъ же, братія, до могилы и опустимъ въ нѣдра ея возлюбленнаго брата нашего, раба Божія, Іерея Николая не съ мыслию о его тлѣни и исчезновеніи, а съ мыслию о его воскресеніи и твердою надеждою на свиданіе съ нимъ въ царствѣ вѣчности. Бросимъ на гробъ его горсть земли, и бросимъ ее съ такою же именно мыслию и такою же надеждою, съ какими земледѣлецъ и огородникъ засыпаютъ сѣмена свои въ нѣдрахъ земли. Съ чувствомъ искренней христіанской любви помолимся и о упокоеніи души его; ибо онъ достоинъ такой молитвы, какъ христіанинъ и пастырь христіанскій. Особенно же теперь, при переходѣ въ міръ иной, онъ болѣе всего и прежде всего и нуждается въ ней, именно какъ въ помощи для смущаемаго духа своего и ходатайствѣ церкви о немъ предъ Судією праведнымъ.

Коротка біографія отца Николая, но весьма и весьма поучительна: она вся состоитъ изъ подвиговъ любви его и служенія Богу и ближнимъ. 44 года стоялъ онъ у престола Божія въ чинѣ священника и молитвенника о своей паствѣ и мирѣ всего міра. Не многихъ благословляетъ Господь такимъ многолѣтнимъ стояніемъ предъ лицемъ Его. Видно,

покойный былъ избраннымъ сосудомъ Его. Окончивъ блестяще свое образованіе въ среднемъ духовно-учебномъ заведеніи, именно первымъ, онъ поступилъ священникомъ на мѣсто своего дѣда и отца, преемственно и подолгу священствовавшихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, при церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Вѣрно, онъ былъ надѣленъ отъ Господа не однимъ талантомъ, а многими; вѣрно, и семья, изъ которой происходилъ онъ, проникнута была не случайнымъ, а родовымъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившимъ, христіанскимъ благочестіемъ. Довольно сязать, что его родной братъ—нашъ возлюбленный Архипастыръ, а его родная сестра—достопочтенѣйшая монахиня. Какъ разумно и благочестно священствовалъ онъ, объ этомъ свидѣлствуетъ то вниманіе къ нему его Архипастырѣй, какимъ между многими и многими сопастырями они отличали его, и тѣ награды, какими онъ възысканъ былъ отъ руки ихъ. Стало быть, онъ былъ пастыръ добрый, пастыръ ревностный и уважаемый. Господь надѣлилъ его не малымъ семействомъ, но оно все, подъ рукою его, не смотря на скудость матеріальныхъ средствъ, было воспитано не только въ страхъ Божіемъ, но и съ достаточнымъ запасомъ научнаго образованія. Подъ его рукою положены въ душу первыя начала знанія, равно какъ заронены и первыя сѣмена благочестія и у нашего Архипастыря. Онъ, наконецъ,—пришлецъ у насъ въ Кавказской церкви, и пришлецъ недавній; но пришествіе его и семьи его въ край Кавказскій совершилось не только по особымъ путямъ Промысла Божія о немъ, но и видимо на пользу церкви Кавказской; ибо всѣ члены семьи его обоюга пола являютъ въ себѣ образецъ строгой христіанской благовоспитанности, духовнаго просвѣщенія, кротости и миролюбія. Помолимся же паки и паки у гроба его отъ чистаго христіанскаго сердца, да упокоитъ Господь душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ. идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе, и да исполнитъ надъ нимъ, добрымъ и вѣрнымъ рабомъ своимъ, свое Божественное обѣтованіе: *идѣже Азъ, ты и слуга мой будетъ* (Ев. Іоан. XII, 26). Аминь.

Прот. В. Розалиевъ.

